

Я стоял на бывшей улице Димитрова.  
*Пьяные ноги отказывались держать.*  
Я облакачивался о колонну.

ЛЕОНИД ЛЕВИН

В руках у меня были  
пакеты с солдатиками. Зелеными.  
**Снегопад усиливался,** снежинки  
*впивались в лицо,* желтый свет фонарей  
расплывался, и источник электрического света становился неузнаваем.

E-KLASSE

Затягиваясь сигаретой,  
я закрывал глаза и *видел лето.*

2013  
МОСКВА

По пустой широкой улице  
скользили редкие пешеходы,  
с запада, со стороны проспекта,  
выплывала белая «Волга».

Леонид Левин

**E-klasse**

«Альтерлит»

2013

**Левин Л.**

Е-klasse / Л. Левин — «Альтерлит», 2013

ISBN 978-5-457-54786-5

Простая игра на контрастах между безоблачными детскими мечтами о добром и вечном и бездарно растроченной жизнью взрослых. Такое многообещающее будущее молодых людей – и медленный, но верный путь в тупик в погоне за сладкой жизнью, когда в современном человеке порой полностью отсутствует духовное. Если не «купаться» в собственной непогрешимости и особенностях, можно понять, что книга – трагедия человека, мир вокруг которого рушится, цели растворяются, а жизнь теряет смысл.

ISBN 978-5-457-54786-5

© Левин Л., 2013  
© Альтерлит, 2013

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Рыбий сон                         | 5  |
| Гутгенхайм, колесницу!            | 8  |
| Материя                           | 11 |
| I                                 | 11 |
| II                                | 12 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 13 |

# Леонид Левин

## E-klasse

### Рыбий сон

Лето в Тавире знойное и ленивое. Речка мельчает до полуметра. Видно, как сардины в поисках моря устают, теряют веру и замирают. По набережной тянутся домики, все в два этажа. Над окнами облупившиеся крылатые младенцы. Иногда – каменные цветы. На крышах аккуратные сады. В раскаленном воздухе улавливается запах водорослей. Чайки спят на мачтах яхт. Баркасы изредка бьются друг о друга обрезиненными бортами. Один моряк свесил загорелые пыльные ноги с пирса. Второй стоя ловит рыбу. На центральном бульваре, ровными рядами растут и дарят тень двухсотлетние пальмы. Он тянется вдоль реки. На кованых скамейках дремлют пожилые люди: кто оперся на трость, кто запрокинул голову и накрыл лицо газетой. Старики спят. Спят сардины. Этот день должен был закончиться, так же как и начался. Собственно ничем. Но уважаемый гражданин города Хуан Марим вдруг открыл глаза и заметил в воздухе черную точку. Приняв ее за пятно в собственном глазу, он чуть было не впал обратно в дрему, но оно шевельнулось. Оно висело в воздухе, на метро-вой высоте, и изредка перемещалось слева направо. Появилось оно с левого боку от огороженного бирюзовым заборчиком фонтана, в котором терпели жару черепахи. Сеньор Марим встал и медленно, глубоко дыша, пошел по вымощенной плиткой аллее. Был он одет, как и все: в серые выглаженные брюки и вправленную в них белую рубашку с длинным рукавом. Кожаные сандалии скрипели. Близился закат. Солнце лизнуло оранжевый дом на той стороне реки, тот, что выбивался из ряда и выступал ближе к воде. Старик потрогал летающую точку. Она была невелика, не больше глаза камбалы, но имела свойство растягиваться. Предмет был мягким. Горожанин ощупал сферу и задумался. Он провел рукой по седым редким волосам. Прогладил сверху вниз свое сухое лицо, сплошь покрытое пигментными пятнами. Неожиданно для себя Дон ткнул черную сферу, и палец его провалился, как оказалось, в никуда. Палец его исчез. То есть старик чувствовал его, но, находясь в точке, он стал в этом мире невидимым. Приключилось следующее. Точка сильно обтянула стариковский палец и заводила его рукой резко из стороны в сторону. Перепуганный Дон Марим выдернул руку. Окружность в воздухе, сжалась и замерла. Одна из черепах выползла на омываемый камень. Одна из сардин сдалась течению, видимо, по рыбьей болезни, и понеслась прочь, поблескивая боками. Перенервничав, господин вынул из кармана брюк трубку и было поднес зажженную спичку, как остановился, почувствовав неприятный запах. Указательный палец смердел.

– Говно! Диего! Встань! Пришельцы пришли к нам с дерьмом!

Столько много слов, к тому же так громко, Дон не произносил года с восемьдесят шестого, и удивленные рты и глаза открылись по всему бульвару. Даже две старухи, которые вот уже лет двадцать сидели перед смертью, как на тонком льду, у своей табачной лавки, очнулись и, не понимая ничего расстроились. Одна даже заплакала. К сеньору Марим, потянулся друг Диего, а за ним и прочие горожане. Трости застучали об плитку. Зашелестели газетные листы. Застывшая под синим небом точка собрала публику. Разгоряченные спорами старики полезли к ней наперебой. Коричневые, костлявые руки ловили ускользающую точку, растягивали ее, даже щипали. Окружность отчаянно металась из стороны в сторону, но пытливые руки бывалых моряков не давали ей ускользнуть.

– Это же надо!? Они прислали нам дерьмо! – то ли восхищались, то ли возмущались горожане.

Действие длилось недолго. Минут семь. За это время еще одна сардина сдалась и приняла смерть. Черепаха же позицию не поменяла. Закончилось удивительное неожиданно быстро, когда самый старый житель правобережья, Дон Перро, влез в сферу по локоть и замер, разглядывая отсутствие руки. Но рука вдруг появилась, и многие ахнули, а сфера распустилась в знойном соленом воздухе, видимо, навсегда. Толпа разошлась бы быстрее, если бы не одно маленькое происшествие. На запястье Дона Перро был золотой браслет, привезенный из колониальной Бразилии еще его прадедом. Так вот черное пятно, как выяснилось, забрало украшение с собой. Ситуация вышла некрасивая. Дедушка уже снова сидел на лавке и горько плакал, покуда друзья его, и Марим, и Диего, поочередно успокаивали его, предлагая свои браслеты, принося воду, размахивая над ним газетой. Горожане все еще стояли у фонтана и горячо спорили. Кто-то настаивал на том, что пришельцы явились принести им говно, но большинство было не разубедить. Им было очевидно, что инопланетяне-охотники за золотом. Разговоры скатывались к риторике. Многие теперь не знали, носить им теперь часы на улице, а их женам серьги или нет. Не спеша, закат загнал пожилых людей в дома, как мама детей. Успокоившись, они спали и, наверное, смотрели те же сны, что и сопротивляющиеся течению сардины. Один только Дон Марим остался впервые на бульваре ночью. Он все ждал чего-то. Но происшествий больше не было, и город уснул, прервав шестисотлетний сон лишь на мгновение.

Если утром в Крекшине похмелиться, то будет великое волшебство. Наташа Нестерова стояла на мраморном полукруглом балконе и смотрела в лес. Ей было неприятно вспоминать вчерашнее происшествие, но она не могла перестать думать о нем и, как часто бывает на больную голову, проворачивала все детали раз за разом. Димины и ее родители были соседями в Париже. В Москве ее отец был кем-то поважнее в каком-то министерстве, чем его отец. Один раз во Франции они случайно поцеловались в машине и один раз, уже обдуманно, вечером, во дворе дома. Наташа не переставала думать о вчерашней вечеринке в Жаворонках, где Дима, который оказался совсем недалеким и где-то даже глупым, уговорил ее, пьяную, прогуляться в лес, где все и сделал собственно, причем не самым обычным путем.

Утро было ветреным. Внизу домработница давила сок. Родители были в Москве. На парковке стоял только Наташин автомобиль. Телефон молчал. Ей было не по себе. Ныли мышцы. Тошнило. Кругом стоял лес, и он тревожил ее. С абстиненцией Нестерова была явно незнакома. Мысль шальная пришла неожиданно.

– Почему нет?

Наташа, словно маленькая девочка, на цыпочках прошла мимо прислуги и взяла с подноса чайную чашку, чтобы ее не заподозрили. В чашку она тайком из холодильника налила водки, почти доверху. Интуитивно она понимала, что уже совсем скоро перестанет нервничать и ляжет обратно в кровать до вечера. Наташа бесшумно возвратилась на балкон. На ней был только халат. Выпив, давясь и останавливаясь, всю водку она еще какое-то время старалась удержать ее в себе. Водке сбежать не удалось, и она покорно, растворилась в крови.

Она выделила в лесу одно дерево. То, что качалось больше других.

– Странно? – подумала Наташа.

– Пиздец как странно.

Она всматривалась в гнездо на макушке дерева и не могла понять: как то держится и почему никак не ебнется.

– А ведь в гнездах яйца – лицо ее стало грустным, «яйца» опять уволокли ее мысли во вчерашний лес.

Вдруг совершенно неожиданно Наташа почувствовала неопределенный дискомфорт. Задний проход разъехался сам собой, и стало очень неудобно жить. Наташа повела бедрами, как будто пытаясь выгнать из себя инородное. Ощущение прошло. Наташа удивилась и собиралась уже идти, как и планировала, под одеяло, но тут начался кошмар. Ее терзали необъяснимые силы, таскали по полу балкона. Они проникали в нее, щипали, царапали. Страх, что она сошла с ума, исчез так же быстро, как и появился – было не до него. Физические муки превзошли всевозможные тревоги, вызванные насилием невидимок. Апофеозом стало внедрение нечто огромного, бесконечно долгого и широкого. Нестерова закричала и сложилась зародышем на холодном мраморе, потеряв сознание. Ей снилась рыба, скользкая, блестящая. Она боролась с встречным течением. Грустный боковой глаз смотрел на Наташу. Где-то над их головами на пирсе сидел загорелый моряк, свесив ноги. Проснувшись в больнице, первое, что увидела Наташа, был золотой браслет в пластмассовой баночке для анализов. Банка стояла на столике. «Наверное, подарок» – улыбнулась девушка, мало что помня.

*Лиссабон 2012*

## Гуггенхайм, колесницу!

Мой друг Соломон недавно пережил клиническую смерть. Живет он в высоком сером доме, который стоит на берегу реки, в устье двух рек, где маленькая растворяется в большой. Из окон он может видеть унылый лабиринт земляных кривых улочек со скамейками. Там тянуться к горизонту косые деревянные дома, в безнадежных резных узорах и с заснеженными крышами. Редкие голые деревья покачиваются не в такт. Но к видам Соломон равнодушен. Он уже больше года увлечен своей целью, которая явно покажется глупой человеку разумному.

Открывается дверь автобуса. Темно на улице. Идет Соломон, вжавшись в высокий ворот. За спиной прямоугольные дома, и один из них Соломонов. Распахнулся лифт. Похожие на линолеум стены. Наскальная живопись. Два фаллоса, три влагалища, и «наташа». Сожженная красная кнопка, и вместо девятого этажа – жвачка. Соломон живет на седьмом. Один в двух комнатах. Сегодня последняя пятница месяца, и Соломон с зарплатой пришел домой. От «сейчас» до утра понедельника остается пятьдесят шесть часов, и в этот раз он обязательно успеет.

Он снимает в прихожей пальто, ботинки, с которых капает черная вода, шарф. Он стирает ладонью с лысины снежинки. В серых брюках и свитере он идет на кухню ставить чайник. Если бы он посмотрел в окно, то там, по ту сторону реки, где город остался таким, каким был задуман прадедами, он бы увидел, как лохматая собака дерет мальчишку за ногу, а тот, валяясь в снегу, бьет ее палкой, и было бы не понятно, играют они или нет. В руках Соломона треснула ампула, взятая с работы. Он втянул содержимое в шприц, отправил в себя и присел на табурет. Сел он обыкновенно, естественно, скрестив ноги, и будь в тот момент рядом какой его знакомый, он не догадался бы, что Соломона здесь уже нет. Он ни сползал по стене, ни курил, ни ходил по комнате, ни обхватывал колени. Он ритмично размешивал кубик сахара в чашке с чаем.

Соломону тридцать четыре. Он образован, воспитан, от природы умен. Он обладает отличным чувством юмора, но шутит крайне редко. Его маму звали Анной, родом она была с просматриваемой из окна заснеженной местности. Папа был врачом, венгерским евреем. Побывав и в плену, и в тюрьме, и на стройках, его остановили в этом городе, давно, и проработал он врачом в военном госпитале, затем в ведомственной больнице, до смерти, не выходя на пенсию. Сиротой Соломон стал относительно рано, в двадцать – студентом. У него осталась квартира, золотые часы, две тысячи сто долларов и гобелен с изображением Венеции, якобы старинный. Родители Соломона не любили ни его, ни друг друга. Дома было всегда тихо. Папа произносил слово-два в год. Мама часто стояла у окна. Один раз, маленький Шлема увидел смеющегося отца. По телевизору шел фильм про Буратино. Буратино сидел в кувшине, в трактире, а за трактиром стояли синие сосны в глубоком белом песке. Неожиданно папа засмеялся, засмеялась и мама, а больше Шлема ничего не запомнил, но было ему тогда хорошо.

Медсестры звали его Шлемочкой, для главврача он был Соломоном Генриховичем и другом. Выносить морфий он стал позапрошлой зимой. Его было так много, морфия, что не было надобности колоть глюкозой стариков и следить за отчетностью. Героин открыл Соломону мальчик Андрей с пятого этажа. Тот забирал много морфия, непропорционально больше, чем героина, на который менял. Соломон был безразличен, у него оставалось больше, чем ему требовалось. Испробовав, осторожно, по чуть-чуть, разные варианты, Соломон остановился на следующем – морфий, морфий, героин, морфий. Этой последовательности он не изменял, а дозировку не увеличивал от раза к разу. Шлема очень аккуратен. Он боится ВИЧ, и иглы его девственны. Он боится передозировок и снотворное пьет только

по будням. В общем, к своим путешествиям он относится крайне осторожно и никогда не считал себя человеком больным или зависимым. Но цель его пока не была достигнута, а значит, покоя Соломону не видать.

В действительности, Соломон уже давно не на кухне с чаем. Тот стынет. А под кружкой собралась влага и оставила мокрый след на столе. Соломон, к своему сожалению, равно как и в прошлую пятницу, да и все предыдущие пятницы, сидит на большой кувшинке обхватив колени и тихо плачется старой черепахе. Та гладит его зеленой рукой по лысине. К черепахе стягиваются костюмированные девочки и тоже жалеют Соломона. Кто целует его руки, кто гладит колени, а кто просто обратился к небу влажными глазами и просит что-то личное для него.

– Бабушка, – плачет Соломон, – я в тридцать четвертый раз у тебя. А мне же надо в трактир, к соснам.

– Шлемочка, – старуха в чепце неожиданно обращается с предложением, – а ты попробуй двойной ввинтить, авось мимо нас в трактир пройдешь.

– И верно! – радостно заквакали девочки-головастики. Попробуй Шлемочка!

– Не могу! – плачет Соломон. У меня морфий, морфий, героин, морфий, а в понедельник и так в автобусе будет тошнить.

– Ну, не знаю – пожимала плечами Тортила, и Шлема вставал с кровати и шел писать.

Наступала суббота. Снег шел горизонтально, за стенами было невероятно холодно и ветрено. Очертания избушек только угадывались. Соломон этого не замечал. Бедный, бедный и худой Соломон. Лысый и голый. Он не ел уже почти сутки, и все ходит, ходит в поисках смелости – и находит ее! Он останавливается и вдруг резко бежит к кровати, из которой недавно восстал, и как маленький улыбается, укрываясь теплым пледом. «Ни какой больше Тортилы», – думал он. Сосны, какие-нибудь литовские корабельные сосны, и папин смех звенит по комнате, и Соломон удваивается.

Мысли Соломона сбились в краски, перемешались, из них вырисовались две руки, которые подхватили его и выдернули из квартиры. Он пробил потолок, другой, затем чердак, крышу. Далеко внизу лаяли собаки, молчали сугробы, схлестывались реки, и тут руки отпустили его, и он, вращаясь как олимпийский диск, летел, набирая скорость. Отступившая мгла оставила после себя небосвод летнего синего цвета. Светло было как днем, но звезды бесперебойно мерцали в дополнение к солнцу, на которое было не больно смотреть. Упал Соломон на траву и весело покатился по ней, не ударяясь. Когда он смог встать, то к огромному своему разочарованию увидел стул. На нем сидела Тортила и смотрела на него уже другими, бесцветными глазами, лишенными сожаления.

– Не получилось, – грустно улыбнулся Соломон, так, как только улыбаются умные люди, когда сильно огорчаются.

– Получилось, – сказала черепаха, голос ее был чужим и безучастным. – Ты перестарался, Шлемочка. Ты перестарался дорогой.

– А где пиявки, головастики, девочки? – Соломон насторожился.

– Двойной ввинтил, и перестарался, дорогой мой мальчик, – говорила бабушка Зеленая, и слова ее казались настолько правильными в тот момент, будто они были ее собственными.

– Бабушка, я умер? – испугался Шлема.

– Ты не умер, ты просто перестарался, – сказала Зеленая. Ее явно утомила эта беседа.

– А трактир? А сосны? Десятки сосен? Сосновый бор? Песок? Белый песок где? – молил Соломон.

Глупая пауза повисла на том свете. Советская актриса изволила исчезнуть, а Соломон застыл, как голый кожаный памятник на траве. Что дальше было? Страшно сказать! Из пустот появлялись люди, животные, дети людей. Женщины были наги и упруги, их мужья были прекрасны, как античные атлеты. Они не были безмятежными, наоборот, они суети-

лись, спорили, росли, исчезали, но все казались равными по значимости, вернее сказать, по незначимости. Соломона никто не замечал, или замечал, но не придавал его присутствию значения. Неожиданно Соломон разглядел как будто кого-то важного, безмятежного, не как все прочие. Тот шел уверенно, он явно опаздывал, и люд перед ним расступался. Он был ниже других ростом, имел аккуратный животик, был лысоват. Между лопаток у него росло одно серое, явно декоративное крыло.

– Гуггенхайм! Колесницу! – прокричал он тому, кого Соломон уже не увидел.

Он проснулся в больнице и вскоре был выписан. Больше он не путешествовал. От него забеременела медсестра, и он женился на ней. Сына договорились назвать Генрихом. У Соломона мало общего с супругой, они редко смеются. За окнами стужа. Дома на той стороне реки, кажется, совсем замело.

*Москва 2012*

## Материя

### I

Раз в полгода, я отправляю себя в командировку, например в Дюссельдорф, а сам сажусь за руль и еду на вторую Фрунзенскую улицу. С соседями по лестничной клетке я незнаком. Открыв дверь, я попадаю в свою студию. Не разуваясь, прохожу сквозь незахламленную мебелью комнату на балкон. Присаживаюсь за плетеный столик и, закуривая, разглядываю кораблик, фаршированный туристами и прочими праздными фигурками. Белый теплоход, черная вода, сероватое небо, влажный, теплый, загазованный воздух. Просыпается детское чувство абсолютной свободы и безнаказанности. Никто не знает, что я курю раз в пол года.

Внутри, сбросив всю одежду на одинокий диван, я наливаю в чайную чашку сто пятьдесят граммов коньяка, отмечая прелесть необжитого дома, выпиваю, наливаю еще и возвращаюсь голым на балкон. Бриз, если так можно назвать ветерок над Москвой-рекой, протекающий на высоте девятого этажа, щекошет пальцы ног и гениталии. Я непроизвольно улыбаюсь всему подряд. Своей вымышленной свободой, своей возможности потратить с половину миллиона на эту глупость, синтетическую радость, которая в эту минуту всасывается через желудок в кровь и сводит все, пускай и на время, к тому, что жизнь удалась. Я выключаю телефон, соблюдая правила безопасности полета, и запоминаю время. Через три часа надо будет позвонить из Германии.

Вечером будет сеанс из трех фильмов: «Королевство кривых зеркал», «Хотабыч», и «Добро пожаловать». Других картин в этой квартире нет. Ко второй ленте я стеку с дивана на паркет. После третьего фильма я постараюсь почитать «Трех мушкетеров», единственное, что стоит на полке помимо коньяка. Скорее всего, меня хватит только на иллюстрации. Каждый раз, выходя курить на балкон, я буду всматриваться в темноту Нескучного сада, и будут мне мерещиться то синие, то красные плащи. Проснувшись на следующий день, я обязательно выпью много коньяка залпом, и уходя в дымку, заберу с собой Дюма-папу. Все лучшее в жизни делается залпом, я убеждаюсь. Выстраивая в уме неподдающуюся логике образную цепочку, тянущуюся от гвардейцев кардинала до сталинской архитектуры, я буду пьяно-счастлив, уверенный в своем открытии тайн мироздания.

## II

На третьи сутки я спешно переезжаю на Плотников переулок, вовремя останавливая запой. Там, в дореволюционном четырехэтажном особняке, в моем распоряжении небольшие апартаменты, приятно оформленные, служащие другим целям. Напившись вдоволь, что при моем возрасте и весе измеряется четырьмя бутылками, мне нужно отступить в лежбище, для восстановления. За первые командировочные дни я вымываю грязь из сознания детскими темами, опустошаю тяжелое сердце. Затем, наступает третий, переломный день, когда надо вернуться и подчистить тело.

У подъезда ждут две женщины. Агентство не обмануло. Высокие, молодые, опрятные и неприезжие. В квартире светло, за счет окон-великанов. Немного псевдостаринной мебели, красный кирпич вместо обоев, декоративный камин и огромный попугай, который живет под наблюдением уборщицы в старинной клетке, свисающей по центру гостиной вместо люстры. «Кроссворд» – единственное его русское слово. Георгий болтлив, и в моем присутствии всегда накрыт платком. Но все до одной посетительницы начинают визит с просьбы посмотреть «птичку», и он, наверное, рад их появлению не меньше меня.

Через прозрачную занавеску я наблюдаю, как лучи скользят по вылизанным капотам длинных черных машин. Изредка я перевожу взгляд вниз, на парочку, и шурюсь от удовольствия. В конце – выпитый намеренно коньяк как будто выплескивается из недр, выбуренных винтовым высасыванием. «Кроссворд», так провожает гостей Георгий. Упиваясь остатками эйфории, не переодеваясь в халат, я, как мальчишка, принимаюсь пинать подушку, как если бы она была кожаным мячом. Забив стене гол, я окончательно успокаиваюсь. Поглаживая то щетину, то яйца, я деловито звоню в офис, и между дел рассказываю про ужасную погоду, которую наблюдаю по европейскому новостному каналу с выключенным звуком.

Лучшее, что есть в этом доме, это ванная. Она занимает не меньше половины площади и походит на выложенный из мелкой плитки не залитый водой бассейн. В ней можно найти абсолютно все связанное с гигиеной, – от набора бритв до метровой полки с туалетной водой. Никто не входил в нее, кроме меня. Это пространство, равно, как и душевное состояние, связанное с ней, я запираю на ключ снаружи, так, чтобы домохозяйка не смела входить в нее со своими уродливыми принадлежностями для уборки. Ее я убираю сам, тщательно, перед тем как берусь за себя. Я подолгу лежу на прохладном полу. Закусываю воду активированным углем. Я уже ничего не читаю и только смотрю в потолок. Сигареты и алкоголь я всегда бросаю на Фрунзенской и не прикасаюсь до следующего раза. Они – яд, впитываются в тело, выжигают гадость из душевных тканей, а потом выветриваются, унося с собой частицы здоровья.

Я отбеливаю зубы, моюсь по несколько раз, начисто бреюсь. Свежим, я подхожу к зеркалу и, глядя самому себе глаза, достаю член и кладу его на край раковины. Теплая вода льется из крана. Я подставляю правую ладонь под поток, набираю воды и поливаю крайнюю плоть, от чего мурашки волной бегут вверх по спине. В конце дня, выпив несколько бутылок кавказской газировки, я укладываюсь спать под ровный гул кондиционера. Отправляю SMS жене: «Я еще на собрании. Ложись спать. Позвоню завтра утром. Люблю тебя». Снотворное я пью только после нескольких предшествующих пьяных ночей. Где-то за углом Арбат, там, наверное, гуляют люди. А что если начинается мелкий дождь, становится сильнее, а они прячутся под навесами или под колоннадой Вахтангова...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.